

Лозунг «E pluribus unum» обещает воистину
алхимическое превращение; либеральный
плюрализм ни к какому единству не ведет.*

Майкл Уолцер

* Из многих — единое (*лат.*) — фраза Цицерона («О достоинствах»), означающая в современной трактовке единство нации. — *Прим. перев.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие к русскому изданию</i>	9
<i>Предисловие</i>	13
1. Ключевые элементы гражданства	20
Статус	23
Права	31
Обязанности	42
Политические аспекты гражданства	45
Идентичность: отступление	50
Постоянная эволюция	54
2. Статус	59
Гражданство абстрактно и тоталитарно	60
Инструмент глобального неравенства	66
Случайность против выбора	83
Смена, отказ и кумуляция	108
Сексизм и подчиненное положение женщин	117
Расизм и империализм	126
Лишение гражданства	134
Связи с государством, выдавшим гражданство	142

3. Права	152
Права и границы	156
Отделение гражданства от территории	167
Ключевые права гражданина и дискриминация	175
Разделение гражданства и прав	183
4. Обязанности	194
Взаимодействие обязанностей и прав	198
Насилие «добропорядочного гражданства»	203
Оправдание дискриминации	222
Революции в сфере обязанностей	228
5. Политические аспекты	236
Самоуправление	239
Взаимосвязь политики и гражданства	251
Трайбализм: детерриториализация политического	257
Политические аспекты натурализации	268
Гражданство без демократии	273
6. Супергражданства	281
Случайность и лицемерие — это надолго	281
Супергражданства	290
<i>Благодарности</i>	295
<i>Перечень судебных дел</i>	297
<i>Примечания</i>	301
<i>Дополнительная литература</i>	328
<i>Предметный указатель</i>	335

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Забавно, насколько по-разному может восприниматься одна и та же тема в разных частях света. Я, голландец советского происхождения, постоянно с этим сталкивался во время написания этой книги в США и Нидерландах. То, что кажется очевидным для большинства сербских, русских и израильских друзей — то, что некоторые гражданства определенно хуже других и что такое различие между статусами гражданства должно быть отправной точкой при рассмотрении этой темы, — многие западноевропейские и американские друзья и коллеги воспринимают как враждебное и неплодотворное понимание гражданства. Я особенно ясно почувствовал, что мой подход имеет право на жизнь, после того как один знаменитый австрийский ученый вернул мне рукопись этой книги с пометкой: «Представленная здесь точка зрения настолько отвлечительна и неубедительна, что я смог дочитать лишь до восьмой страницы» — а в англоязычном издании их 320.

К счастью, сколь бы кто-либо ни отказывался читать критические работы по своей теме, это не спасет от критики доминирующую точку зрения.

Эта книга во многом вдохновлена моей «прежней жизнью» как гражданина СССР, а затем и России, студента в Нижнем Новгороде, в Гренобле, в Амстердаме у Тома Айсбаутса и в Центрально-Европейском университете в Будапеште у Мартина Кригера, Стивена Холмса и Андраша Шайо. Она стремится показать гражданство с точки зрения большинства населения мира, учесть в анализе этой столь многими воспетой, но противоречивой концепции опыт тех, кто хорошо знает, насколько произвольно нас могут судить по цвету паспорта в разных странах, насколько хрупки режимы гражданства и насколько мы зависим от наличия «правильного» или «неправильного» документа, где бы мы ни находились.

Читая лекции о гражданстве по всему миру, от Европейского колледжа в Натолине, Рима, мексиканской столицы и Принстона до родного Гронингена, я почти всегда держу под рукой свой красный советский паспорт — для меня это напоминание о том, насколько произвольно нам выпадают шансы в этом мире и насколько хрупко наше положение в нем. На пути к новым гражданствам и по мере накопления историй о том, что такой статус значит на практике, мне постоянно приходится объяснять американским и голландским друзьям, что украинец, натурализующийся во Франции, на Антигуа или Сент-Китсе, или китаец, получающий гражданство

за инвестиции на Мальте, не мошенники и не преступники — если только не считать преступлением сомнение в националистической данности глобальных неофеодалных каст. Для многих людей повышение качества гражданства — не прихоть, а абсолютная необходимость. Сотни тысяч россиян, китайцев и латиноамериканцев, натурализующихся на Западе, служат четким подтверждением этой самой элементарной отправной точки, которую постсоветский или постъюгославский читатель без труда воспримет как непротиворечивую. Поэтому выход этой работы на русском — особенная радость для меня, и я очень благодарен издательству «Бомбора» за то, что оно смогло оценить потенциал этой книжки. Я особенно благодарен блестящему редактору Антону Ширикову из Мэдисона в Висконсине, который сделал текст, изначально подготовленный для американских и британских читателей, по-настоящему русским. Кирилл Рябцев из Гронингена помог с примечаниями, за что большое спасибо. Не менее я благодарен Павлу Бандакову за постоянную помощь, воодушевление и регулярные прогулки по Лондону, а также Саре Ганти, которая терпеливо вынесла многие месяцы моего непрерывного внимания к этой книге — от английской рукописи в холщевой зеленой сумке, когда мы впервые поцеловались, до нескончаемого перевода на итальянский, лежавшего повсюду в нашей квартире на Пьяцца Фарнезе, до русского текста, устилавшего полы в Брюсселе, Нью-Хейвене и Талибонте-на-Уске в валлийской глубинке.

Гражданство. От равенства и достоинства к унижению и разделению

Я посвящаю это издание незабвенной Надежде Михайловне Сидоренко, открывшей новые горизонты бесчисленному множеству одаренных студентов в Российско-французском университете в Нижнем Новгороде. Без нее у меня не было бы никакой «второй» — то бишь настоящей, теперешней — жизни, и та книга, которую вы собираетесь прочесть, уж точно не появилась бы на свет.

Д. К.

Принстон, Нью-Джерси, февраль 2020 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Немногие понятия кажутся настолько очевидными, оставаясь при этом настолько недопонятыми, как гражданство. Гражданство возникло в древности, но и в наши дни оно столь же притягательно, как и во времена Аристотеля: участие в политической жизни, эмансипация и принадлежность к нации — это что-то достойное, комфортное, знакомое, как зачитанные книги в мягкой обложке. Но если забыть о флагах, выборах, паспортах и славной истории, гражданство может показаться скучным — неужели здесь есть о чем писать книгу? Но, как мы увидим, эта самоочевидность, вроде бы не требующая пояснений, очень многое скрывает. Гражданство служит инструментом как расширения политических прав и формирования идентичности, так и укрощения населения — и «местных», и «понаехавших», а также поддержания статус-кво — несправедливости, закрепившейся на локальном и на глобальном уровне. При ближайшем рассмотрении гражданство оказывается традиционно насильственным и в конечном

счете тоталитарным статусом, происходящим из досовременной эпохи. Этот статус назначается по крайне жестким правилам, но в то же время и крайне произвольно. Он не оставляет места для личного выбора и личных заслуг и упивается своим сексизмом и расизмом. Эти характеристики составляли самую суть гражданства на протяжении всей его истории и только в последние десятилетия начали с большой неохотой исчезать, во многом лишая гражданство смысла. Гражданство — пережиток мира, где еще не было идеалов равенства и справедливости, движущих нами сегодня, и теперь эта идея оказалась в очень непростой ситуации. Стоит копнуть чуть глубже, и изъяны официального нарратива о политической эмансипации немедленно обнажаются.

Сколь бы несообразным ни было гражданство современному миру, оно очень тесно в него вплетено. Современные демократии пропитаны им до мозга костей, оно играет решающую роль в их жизни, и изучение гражданства постоянно перемежается рассуждениями о достоинстве и разумности. Самая интересная особенность гражданства — глубокое противоречие между его сущностью и целью, с одной стороны, и его репутацией — с другой. История гражданства — это в равной мере история лести в адрес провозглашенных «своими», повесть об освобождении, достоинстве и национальной государственности и история стадных чувств, лицемерия и грубого доминирования, поданных под соусом личной автономии и стремления к общему благу. Это эффективный способ

расколоть общество пополам; шрамы и разногласия после такого раскола заживают с колоссальным трудом. Гражданство считается чем-то «хорошим», и плохой гражданин менее достоин сострадания, понимания или права голоса. Людей, приписанных к «плохим гражданам», в конечном счете игнорируют или изгоняют и лишают статуса. Гражданство — мощный инструмент укрепления распространенных предрассудков и создания новых.

Тем не менее в основе современного гражданства лежит абсолютно достойный одобрения идеал равенства и достоинства, восходящий к апостолу Павлу: это абстрактная, идеалистическая декларация, игнорирующая фактические различия между людьми, разность их пристрастий, способностей и устремлений. Гражданство — это в первую очередь инструмент упрощения мира. Оно настолько популярно и универсально не только ввиду своей поразительной эффективности — насколько управляемыми оно делает людей, — но и, несомненно, потому, что оно играет роль единообразного кода, упрощающего невероятное разнообразие и сложность человеческих обществ. Умножение числа граждан было воистину чудесным: в Афинах времен Аристотеля они составляли ничтожную долю населения, тогда как сегодня абсолютное большинство населения Земли — граждане какой-либо страны. Это объясняется множеством факторов, начиная с постепенного подъема индивидуализма и глобального распространения государственности, по сути своей опирающейся именно на гражданство, и заканчивая тем, что притягательные

идеи достоинства, равенства и ценности человеческой личности применяются к строго отделенным друг от друга группам людей. Это повторяется сотни раз по всему миру от государства к государству, от гражданства к гражданству. К сожалению, эти идеалы улетучиваются, стоит только рассмотреть два общества и более вместо одного. Провозглашается, что гражданство служит великим идеалам, но на практике это очень эффективный абстрактный юридический инструмент, оправдывающий, по существу, произвольное насилие, унижение и исключение.

Эта книга о том, что такое гражданство, что оно влечет за собой, как появилось и как меняется его роль в мире. Важно подчеркнуть, что книга отнюдь не ставит своей целью восславить гражданство несмотря ни на что. Напротив, это критический обзор идеи гражданства, более глубокий, чем популярные, клишированные трактовки этой концепции, которые чаще всего преподносят гражданство как необходимый элемент политической деятельности, полагая политические права граждан его определяющей характеристикой. Как продемонстрирует эта книга, идти по такому проторенному пути — значит игнорировать важнейшие особенности гражданства, что неприемлемо в столь краткой работе. Рассуждения о триумфах и о достоинстве гражданства слышны повсюду, мы же сосредоточимся на произволе, насилии и подбобострастии, сопровождающих гражданство, на объявленной гражданством войне против индивидуальности, на том, как гражданство становится священным средством борьбы за сохранение